

Доктор Дэвид А. де Сильва , Послание к Евреям, Сессия 8а, Послание к Евреям 9:1–10:18: Христос — наше искупление (часть 1)

© 2024 Дэвид де Сильва и Тед Хильдебрандт

В Послании к Евреям, глава 9, стих 1 по глава 10, стих 18, проповедник обращается к двум другим важным вопросам, развивая те, которые он затронул в главах 7 и 8. Во-первых, в чем смысл смерти и вознесения Иисуса, если мы понимаем их как работу священника по линии Мелхиседека? И, во-вторых, каковы последствия для тех, кто приближается к Богу через посредничество Иисуса, а не через посредничество левитских священников? В 9 стихах 1-10 автор рассматривает пространственное расположение скинии или храма и определяет в нем существенный недостаток левитской священнической системы и закона, который ее регулировал. Они не могли расширить доступ к присутствию Бога за пределы первосвященника для всего народа. В главе 9, стихах 11-14, автор рассматривает вознесение Христа как вход в небесное святилище, чтобы совершить единственный, наконец, эффективный ритуал дня искупления.

Он использует аргумент от большего к меньшему в отношении крови жертвенных животных, которая эффективна лишь в той степени, и крови Иисуса, которая должна быть гораздо более мощной, ритуальным моющим средством, так сказать, для удаления осквернения греха. Он смещает свою интерпретационную структуру в 9, стихах 15-22, от дня ритуала искупления в Левите 16 к праву вступления в завет, найденному в Исходе, главе 24. Право, которое Моисей исполнил, чтобы инициировать Синайский завет, становится вторым шаблоном для понимания смерти Христа и его вознесения в небесное святилище как ритуального акта, который иницирует новый завет, объявленный в Иеремии 31.

В последних стихах главы 9, стихах 23-28, автор возвращается к рамке ритуала дня искупления, поскольку он рассматривает вхождение Христа в небесное святилище как космический эквивалент работы земного первосвященника, входящего в земное святилище с кровью тельца и козла, чтобы удалить осквернение греха с крышки ковчега. Автор будет утверждать, что вхождение Христа на небеса после его послушания до смерти эффективно удаляет память об осквернении грехом из самого присутствия Бога. В главе 10, стихах 1-10, автор возвращается к теме повторения жертвоприношений в левитской системе, чтобы утверждать, что это ежегодное повторение одних и тех же жертв

указывает на их неэффективность в борьбе с грехом и осквернением, которые держали людей на расстоянии от Бога.

Затем он обращается к Псалму 40, стихам 6-8, как к библейскому предписанию для единственной эффективной жертвы, которую Иисус совершит, предложив себя раз и навсегда. Автор завершает этот центральный раздел о священническом служении Иисуса в главе 10, стихах 11-18, снова обращаясь к Псалму 109, стиху 1, где Иисус приглашен сесть по правую руку от Бога в связи с его назначением на священство. Проповедник находит здесь в восседании Иисуса доказательство эффективности жертвоприношения Христа, потому что левитские священники известны тем, что постоянно находятся на своем священническом служении.

Но тот факт, что Иисус садится рядом с Богом, воспринимается проповедником как доказательство того, что священническая работа Иисуса решительно завершена и не будет необходимости когда-либо повторяться. Он завершает еще одним чтением Иеремии, главы 31, стихов 33 и 34, как своего рода QED, как бы говоря: я доказал свою точку зрения, показав, что действительно во Христе окончательное удаление грехов как из совести поклоняющегося, так и само присутствие Всемогущего Бога на небесах было окончательно совершено. В главе 9, стихах 1-10, автор более подробно рассматривает устройство земной скинии и точно определяет, в чем была проблема и что было предосудительным в первом завете.

Автор уже намекнул на это в главе 7, стихах 11 и 19. Культовые предписания Торы и ее священство не смогли привести к совершенству. То есть они не смогли очистить совесть молящихся, чтобы эти молящиеся могли приблизиться к Богу и не просто полностью войти в земную скинию, но и полностью в небесный прототип, в небесное святое место, где обитал Бог.

Теперь автор даст объяснение этого обвинения, размышляя о правилах культового служения и о расположении мирской святыни, земного храма, которые были установлены первым заветом. Итак, мы читаем: И первый завет имел правила для поклонения и земное святилище. Была построена палатка, первая, которая включала светильник, стол и хлебы предложения.

Это называется святилище. За второй завесой была палатка, называемая Святое Святых. В ней стоял золотой жертвенник курения и обложенный со всех сторон золотом ковчег завета, в котором были золотая урна с манною, жезл Ааронов расцветший и скрижали завета.

Над ним были херувимы славы, осеняющие престол милосердия. Об этих вещах мы сейчас не можем говорить подробно. С помощью этой последней оговорки автор указывает, что он не собирается рассуждать о духовном значении или

смысле принадлежностей храма, в отличие, например, от Филона Александрийского.

Когда Филон писал о планировке скинии, он подробно разработал аллегорическое, моральное и духовное значение каждого предмета мебели в скинии. Однако нашего автора интересуют сами пространственные расположения и ограничения доступа к Богу, которые эти расположения увековечивали, как он продолжает говорить в стихах 6 и 7. После того, как такие приготовления были сделаны, священники постоянно заходят в первую палатку, чтобы исполнять свои ритуальные обязанности, но только первосвященник заходит во вторую, и то только один раз в год, и не без взятия крови, которую он предлагает за себя и за грехи, непреднамеренно совершенные народом. Центральная проблема, которую первый завет увековечил, а не преодолел, по-видимому, для этого автора заключается в градациях в доступе к Богу.

То есть, основная масса израильтян могла зайти только так далеко, так близко к Богу, а затем должна была остановиться. Основная масса священников могла зайти только так далеко к Богу, а затем должна была остановиться. Только первосвященник мог пройти весь путь в Свята Святых, которая представляла реальное присутствие Бога, и тогда он был ограничен таким входом только один раз в год.

Священники исполняли свои обязанности во внешней комнате, ухаживая за светильником и заменяя освященные хлебы, хлебы предложения. Согласно Исходу 30, стихам 7 и 8, священники также возносили фимиам на жертвеннике курения, хотя размещение автора Послания к Евреям этого автора во внутренней комнате было бы проблематичным в этом отношении. Это место, дальнейшая комната, где, как считалось, обитал Бог, входила только один раз в год только один человек, первосвященник, в День искупления, когда он вносил в Святое Святых кровь, которая покрывала сначала его собственные грехи, а затем грехи народа, и затем только те, которые были совершены неосознанно или по неведению.

Этот ритуал, подробно описанный в Левите 16, является важным фоном для размышлений автора о деятельности левитских первосвященников и достижении Иисуса на протяжении всего этого раздела. Израильтяне-миряне, обычные священники и первосвященник представляли три уровня святости, три уровня соблюдения требований чистоты, и с каждым уровнем приходила дополнительная привилегия и опасность приближения к благоговейному присутствию самой святости Бога. Священство само по себе не было препятствием для доступа к Богу, но оно также не могло улучшить доступ к Богу обычного поклонника.

Культовые предписания Первого Завета, таким образом, обеспечивали, чтобы нация держалась на расстоянии от Бога, возводя ограду из наказаний за посягательство и ауру табу вокруг Святой Святынь, чтобы защитить святость Божию или, точнее, защитить нацию от святости Божьей, вырывающейся против их нечистоты. Автор Послания к Евреям считает такое положение неудовлетворительным. Он понимает Божье обещание обитать среди своего народа как сигнал о гораздо более близких отношениях со всеми людьми и, таким образом, отношениях, которые остались неисполненными в Первом Завете.

Он находит родственную душу в Иоанне Провидце, авторе Откровения, который с нетерпением ждет Нового Иерусалима для исполнения Божьей надежды. Мы читаем там, что в Новом Иерусалиме Иоанна нет храма, поскольку доступ к Богу был ступенчатым, и ограничения доступа к Богу были устранены. Таким образом, наш автор приходит к своей точке зрения в Послании к Евреям 9, стихах 8-10.

Культовые обряды Первой Скинии с их постоянным поддержанием границ и барьеров для присутствия Бога являются средством, цитата, которое является символом настоящего времени, все еще имеет культовый статус, в котором приносятся дары и жертвы, которые не могут усовершенствовать поклоняющегося в отношении его или ее совести, будучи только вопросами еды и питья и различных омовений, предписаниями, ограниченными плотью, имеющими силу до времени исправления вещей. Пока еще имеет значение. Путь в святые места еще не был показан.

Автор с нетерпением ждет того дня, когда путь в него будет ясен, как мы прочитали в главе 10, стихах 19-20, и еще более явно в главе 12, стихах 26-28. Именно в тот день, когда материальное творение будет потрясено и удалено, путь в невидимое царство будет открыт и ясен тем, кто был подготовлен жертвой Христа, чтобы войти в него. Здесь автор утверждает, что Святой Дух ясно дал понять посредством обустройства Скинии, что путь в Святое Святынь еще не открыт, в то время как эта первая палатка имеет культовое положение, которое он называет притчей для настоящего времени.

Первая палатка, как говорят, имеет метафорическое значение. Это притча, указывающая на настоящее время. Это вводное замечание вставляет космологическое измерение в планировку первой Скинии, которое снова будет разъяснено в главе 12, стихах 26-28.

Внешняя палатка, Святылище, является символом настоящего века, когда само видимое творение все еще скрывает вход в небесное, постоянное, невидимое царство, представленное второй комнатой. Путь будет ясен, когда эта первая комната, то есть это видимое творение, будет потрясена и удалена, чтобы то,

что непоколебимо, могло пребывать. Существенный момент в этом отрывке связан, опять же, с неспособностью левитских жертвоприношений расширить доступ к Богу среди всего народа.

Как пишет автор, в этой палатке приносятся жертвы, которые не способны усовершенствовать верующего в отношении совести. То есть, они не могут привести совесть верующего к божественно назначенной цели, позволяющей верующему стоять в самом присутствии Бога в ожидании благодати, а не в страхе уничтожения. Тот факт, что многочисленные жертвы оставляли верующих все еще стоять вечно снаружи, доказывает нашему автору неэффективность всей системы.

Итак, он пишет, что жертвы имеют силу только в том, что он цитирует в отношении пищи и питья, а также различных омовений или ритуальных очищений, которые являются правилами для плоти, действующими до времени обновления или времени исправления. Автор критикует правила первого завета как просто правила плоти, предписания, касающиеся пищи, как диетические правила Торы или очистительные омовения тела, которые не способны распространить освящающую силу на внутреннего человека. Однако для автора время исправления, исправления уже наступило.

Для Иисуса первосвященник уже вошел в небесную скинию и установил новый завет из Иеремии 31. Первая скиния уже утратила свое культовое значение, как покажет авторское толкование Псалма 40, стихи 6-8, немного позже в главе 10. В Послании к Евреям 9, стихе 7, обряд Дня искупления установлен как система отсчета для сравнения работы левитских первосвященников и работы священника по линии Мелхиседека, а именно Иисуса.

Поскольку обряд Дня Искупления является столь важным фоном для изложения автора в этих главах, нам следует остановиться на мгновение и освежить свои воспоминания относительно различных стадий этого очень важного ритуала в жизни Израиля. Первое важное литургическое движение в обряде Дня Искупления заключается в том, что первосвященник закалывает быка в качестве жертвы за грех за себя и свою семью. Он сжигает благовония в Святом Святых в кадилнице и окропляет крышку ковчега кровью этого быка.

Во втором шаге первосвященник выбирает двух козлов и закалывает одного в качестве жертвы за грех за людей. Он снова входит в Святое Святых, чтобы окропить ковчег кровью козла, совершая искупление грехов людей. Первосвященник размазывает кровь быка и козла по четырем углам жертвенника всесожжения.

Затем первосвященник приводит второго козла, возлагает на него руки, исповедует над его головой все грехи народа и отправляет этого козла из стана.

Козел отводится кем-то в пустыню и там отпускается для Азазеля, демонического духа пустыни. Затем первосвященник окунается в воду, меняет свои одежды и возлагает жир от двух жертв за грех, первого козла и быка, на алтарь.

Наконец, оставшиеся туши быка и козла выносятся за пределы лагеря другими священниками и сжигаются. В этом литургическом обряде есть два существенных компонента. Во-первых, те действия, которые очищают святые места от осквернения грехами людей.

И во-вторых, те аспекты обряда, которые очищают самих людей от осквернения их грехами. Этот первый элемент может показаться нам странным, но в древнеизраильском представлении о вещах грехи против завета не просто оскверняли человека, совершившего грех. Был своего рода зеркальный эффект на совести поклоняющегося, с одной стороны, и на ковчеге милосердия в Святом Святых, с другой стороны.

То, что один великий знаток Левита и Чисел, Джейкоб Милгрэм, назвал картиной Дориана Грея эффект грехов людей на троне благодати в Святом Святых. Таким образом, обряд искупления имел этот двойной аспект, чтобы убрать грех с пути в двух разных местах, месте присутствия Бога и, конечно, совести поклоняющегося, который согрешил в первую очередь. Так же, как первый завет имел святилище и культовые предписания, проповедник верит, что второй завет имеет свое собственное связанное святилище, небесное, и свои собственные жертвенные обряды.

Старые ритуальные карты, как и карта обряда дня искупления, функционируют как прототипы. Они предоставляют концептуальное сырье, но оно объединяется новыми и невозможными способами, по сути, новым священником, Иисусом, который сам становится и посредником, и приношением. Итак, мы читаем в следующем абзаце: Христос же, став первосвященником благ, возникших в бытии, вошел однажды и навсегда в лучшей и совершеннейшей скинии, которая нерукотворена, то есть не этого творения, во святилище не посредством крови козлов и тельцов, но посредством Своей Крови, изобретая вечное искупление.

Ибо если кровь козлов и тельцов и окропляемый пепел телицы освящают оскверненных в очищении плоти, то тем более Кровь Христа, принесшего Себя Богу непорочного вечным Духом, очистит совесть нашу от мертвых дел, чтобы служить Богу живому? Автор снова утверждает, что служение Иисуса происходит в высшем месте, в большей и совершеннейшей скинии, нерукотворенной, то есть не принадлежащей к этому творению. Описание здесь небесного святилища как большей и совершеннейшей скинии поддерживает, во-первых, понимание языка совершенства в связи с пересечением порога

между видимым и невидимым мирами. Небесный храм более совершенен, потому что он существует в непоколебимой пребывающей сфере.

Во-вторых, авторское различие между этим творением и сферой, в которую Иисус вошел как предтеча для нас, поддерживает прочтение Евреям 9.9, которое включает в себя больше, чем просто замену ветхозаветного культа. Это творение само по себе стоит между верующим и окончательным полным доступом к Богу. Таким образом, Иисус должен пройти через сотворенные небеса, чтобы войти в то постоянное место медитации, которое не принадлежит этой материальной видимой сфере.

Путь в святые места действительно открыт сейчас. Верующие могут следовать в это пространство в молитве и коллективном поклонении, но даже больше, могут следовать лично, когда Христос вернется во второй раз, чтобы провести их вместе с собой во славу. Служение Иисуса также включает в себя высшие ритуальные элементы.

Он попадает на небеса не через кровь козлов и тельцов, а через свою собственную кровь. Очистительная среда второго завета гораздо более затратна, поскольку она подразумевает смерть самого Сына Божьего. Отсюда и большая опасность, которая будет сопровождать осквернение этой крови из-за слишком малого размышления о принесенных ею благах, как автор вскоре донесет до нас в главе 10, стихе 29.

Аспект жертвы Иисуса «раз и навсегда» отражает качество искупления, которое он получает. Это вечное искупление, потому что оно длится вечно и не нуждается в повторении. Для нашего проповедника повторение — признак неэффективности и бездействия.

В главе 9, стихах 13–14, автор вводит еще один аргумент от меньшего к большему, основанный на антитезе крови животных против собственной крови Иисуса в главе 9, стихе 12. Связывая кровь быков и козлов с посыпанным пеплом телицы, автор смешивает жертвоприношения, приносимые в День искупления на Йом-Киппур, с процедурой, описанной в Числах 19 для приготовления вещества, которое удаляет нечистоты, полученные при осквернении трупа, путем прикосновения к мертвому телу. Эта ассоциация позволяет автору выдвинуть свое утверждение о том, что вся гамма обрядов в Ветхом Завете имела силу только для борьбы с внешним осквернением, будучи, как он говорит, предписаниями для плоти, которая не могла проникнуть к удалению загрязнения совести.

Жертвоприношения Дня искупления, таким образом, низводятся до уровня внешнего очищения. Если материальной субстанции крови животных достаточно для освящения внешнего человека, то кровь Христа, утверждает

автор, предложенная через вечный дух, несомненно, будет достаточна для очищения внутреннего человека. Следует отметить, что в этот момент изменение в антропологии отразилось в различии автора между внешним человеком и совестью внутреннего человека.

Это отход от более интегрированной древнеизраильской концепции человека, в которой внутренние и внешние аспекты человека не были радикально разделены. Автор перешел к более эллинистической концепции, которая ставит внешние и внутренние грани человека рядом друг с другом в противопоставлении. Составителям Левита не пришло бы в голову провести границу между очищением кожи и очищением сердца.

Один обряд очистил бы человека. Автор Послания к Евреям, вступая в историю, имея преимущество пророческой критики священнического ритуала, а также преимущество столетий эллинизации позади него, теперь может подвергнуть сомнению Левит 16 стих 30 относительно степени очищения, которую обеспечивает обряд Дня искупления, и может заключить, что это всего лишь внешний обряд. Здесь, на протяжении всего этого аргумента, нам нужно помнить, что автор говорит о распятии, перенесенном из послушания и верности Богу.

Мы не должны представлять себе Иисуса, действительно несущего кровь на небеса, как будто духовные реальности могут быть очищены материалами любого качества. Осознание автором того, что жертва Иисуса происходит через вечных духов, может указывать на то, что автор не хотел бы, чтобы мы слишком крепко держались за материальные аспекты смерти Иисуса, когда мы размышляем о последствиях этой смерти в этих культовых терминах. Он использует объективирующий язык, такой как кровь, чтобы помочь своим слушателям в их принятии этой благой вести с точки зрения того, что они поймут.

Смерть Иисуса за нас и его вознесение в присутствии Бога означают, что верующие были приняты Богом ради Иисуса в дом Божий и наслаждаются благом Иисуса, живущего и ходатайствующего за них по правую руку от Бога. Язык культа Ветхого Завета предоставляет мощный язык для понимания того факта, что все препятствия, стоящие между святым Богом и нечестивым человечеством, были устранены. Таким образом, смерть Иисуса происходит за нас, но здесь мы также видим по-новому, как вознесение Иисуса также произошло за последователей Иисуса.

В Евреям 9, стихах 15-22, автор возвращается к языку завета, чтобы говорить о смерти Иисуса не просто как о космическом дне искупления, но и как об обряде, который вводит в действие новый завет, обещанный в Иеремии 31. Обряд введения завета, как читатели знают из Исхода 24, также требует

пролития крови. Таким образом, смерть Иисуса выполняет двойную функцию, осуществляя искупление и служа жертвой, иницирующей завет.

В связи с этим он является посредником нового завета, чтобы смерть произошла для отпущения грехов, совершенных против первого завета, чтобы призванные получили обещание вечного наследия. Соединение слов завет с наследством позволяет автору начать играть на двойном значении греческого слова *diatheke* как завета и завещания, то есть завещания. Таким образом, он может объединить утверждение смерти Иисуса и как жертвы вступления в завет, и как ухода из жизни завещателя, завещателя, который позволяет имуществу завещателя перейти к наследникам, делая волю Божию действительной для тех, кто был назван наследниками Божиими.

Как он продолжает в стихе 16, там, где есть завет или завещание, необходимо выдвинуть на первый план смерть создателя завета или создателя завещания. Поскольку Бог, конечно, не может умереть, смерть Иисуса выдвигается на первый план как смерть, которая делает закон наследования эффективным для наследников. Автор снова переплетает границу между заветом и завещанием в стихе 17, поскольку завет подтверждается на основе мертвых тел.

Поскольку он не имеет силы, пока жив завещатель, введение мертвых тел в качестве основы, на которой подтверждается или становится обязательным завет, напоминает определенные жертвы, заключающие завет. Например, завет, заключенный между Богом и Авраамом в Бытие 15, стихи 9-21, действительно был установлен над мертвыми телами среди трупов животных, которые Авраам расколол в знак Божьей клятвы, чтобы увидеть свою часть завета до конца при своей жизни, так сказать.

Затем автор возвращается к темам завещательного права, как будто для того, чтобы завершить сплетение и переплетение этих двух смысловых рамок. Пункт, поскольку он, то есть завет, не имеет силы, пока жив завещатель, связывает пролитие крови и смерть жертвы не только с ритуалами искупления, но и с инаугурацией завета. И самонадеянность завещательного права помогает проповеднику донести эту мысль.

Основной момент, который служит аргументом, заключается в том, что смерть Христа завершает установление этого завета, о котором говорится в цитате из Иеремии, которую автор процитировал в Послании к Евреям, глава 8. Затем Послание к Евреям, глава 9, стихи 18-22, суммирует и изменяет церемонию Исхода, стихи 1-8. Таким образом, и первый завет не был установлен без крови, ибо после того, как все заповеди, изложенные в законе, были переданы Моисеем всему народу, Моисей, взяв кровь тельцов с водою и червленою шерстью и иссопом, окропил самую книгу и весь народ, говоря: это кровь завета, который установил для вас Бог. И окропил кровью также скинию и все

богослужебные сосуды. И все почти очищается кровью по закону, и без пролития крови не бывает прощения.

Окропление кровью было свидетельством для людей и для Бога, что завет теперь был обязательным для обеих сторон, поскольку они все согласились на него. Кровь была взята от животных, принесенных в жертву мира. Жертвоприношения совершаются с целью обеспечить благосклонность Бога к людям, заверить их в благосклонности Бога и, следовательно, в их благополучии.

Проповедник добавляет несколько деталей к эпизоду Исхода. Вода, червленая нить и иссоп не являются частью обряда вступления в завет в Исходе 24. Также не является частью окропление шатра или всех литургических сосудов.

Как и в Евреям 9:13, наш автор объединяет обряды из разных мест Торы, предписанные для разных случаев и целей, чтобы подчеркнуть как внешнюю природу этих действий, так и, в силу включения многих различных обрядов в свое сравнение, замену всей культовой системы одним обрядом нового завета. Автор также немного изменил свою декламацию слов Моисея. В Исходе 24, стихе 8 мы читаем, что Моисей говорит: Вот кровь завета.

Но в Евреям 9, 20 автор заставляет Моисея сказать: Это есть кровь завета. Эта последняя фраза гораздо ближе созвучна словам установления Тайной Вечери, известным из синоптических Евангелий, особенно Матфея и Марка, где Иисус говорит: это есть моя кровь нового завета. Таким образом, историческая смерть Иисуса более тесно вплетена в этот ритуал инаугурации завета.

Наблюдение, что Моисей очистил не только людей, но и святилище кровью тельцов в Евреям 9:21, так же, как это сделал левитский первосвященник в день очищения, предполагает для автора, что работа большего первосвященника и большего посредника завета также должна включать в себя аналогичный элемент, ведущий к следующему разделу его аргументации об очищении Христом небесного святилища лучшей кровью, начиная с Евреям 9, стих 23. Наличие этого ритуального элемента в прототипе ритуала инаугурации завета Ветхого Завета становится фактическим доказательством выполнения того же элемента Христом в антитипе в невидимой сфере. И поэтому автор продолжает говорить, что без пролития крови прощение не наступает. Эта максима отражает кардинальное правило, основополагающее правило левитской священнической системы, как мы читаем в Левит 17, 11: Кровь дается для совершения искупления. Однако наш автор придерживается этой максимы наряду с утверждением, которое он вскоре сделает в начале главы 10: «Невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов смывала грехи».

Это напряжение, необходимость крови для искупления и невозможность эффективного удаления грехов кровью животных вместе создают необходимость в том, что, по сути, является человеческой жертвой для достижения прощения грехов, жертвой, принесенной в смерти Иисуса. Это то, на что автор уже намекнул в главе восьмой, стихе третьем. Всякий первосвященник поставлен для приношения даров и жертв, откуда и необходимость для него иметь что-то для приношения.

Природа этого приношения станет гораздо более предметом обсуждения автора в последующих разделах. Автор завершает то, что сейчас является главой девятой его проповеди, останавливаясь на космическом и ритуальном значении вознесения Иисуса. И так мы читаем, что было необходимо, с одной стороны, чтобы тени реальностей на небесах были очищены посредством этих жертв, но для того, чтобы сами небесные реальности были очищены лучшими жертвами, чем эти.

Проповедник принимает необходимость очищения земной скинии кровью, что было отличительной чертой ритуала Дня искупления, а также службы вступления в завет. И снова мы сталкиваемся с понятием осквернения, накапливающегося в святая святых, провокационного напоминания в присутствии Бога о грехах людей и необходимости ритуального очищения от них. Если его не остановить, это накопление напоминаний о грехах людей в присутствии Бога в святом месте приведет к катастрофе для нации, либо к тому, что святость Бога вырвется наружу, чтобы сжечь осквернение и его причину, либо к тому, что святой Бог отступит от оскверненного святилища и, таким образом, отнимет у людей свою защиту и обеспечение.

Автор Послания к Евреям строит антитезу в главе девятой, стих 23, которая напоминает аргумент меньшего к большему из главы девятой, стихов 13 и 14. Так же, как новые обряды включали очищение совести, а не только внешней поверхности грешника более действенной кровью, так и лучшее святилище в вечном царстве должно быть очищено посредством лучшей крови. Осквернение небесного святого места представляет собой постоянное напоминание о человеческих оскорблениях Бога перед самым престолом Божиим.

Очищение Иисусом небесного святилища является ритуальным исполнением Божьего обещания: «Я грехов их не вспомню более», сформулированного в Иеремии, глава 31, стих 34. Все это затем дает интерпретационную основу для вознесения Иисуса, аспекта истории Иисуса, который, как правило, не играет такой большой роли в христианском богословии, как его смерть и воскресение. Как продолжает автор, Христос не вошел в святилища, созданные руками, антитипы подлинных предметов, но на само небо, чтобы теперь предстать перед лицом Бога от нашего имени.

Здесь мы наблюдаем тонкое переключение терминологии со стороны автора. Обычно Ветхий Завет дает тип или прототип, а Иисус и его работа дают антитип. Тип предвосхищает, антитип следует и совершенствует этот образец.

Однако, называя земную скинию антитипом, автор напоминает слушателям, что небесный храм существовал до построения земной копии, фактически, до самого творения, как мы слышали в главе восьмой, стих пятый. В этом месте связь между небесным культом и земными обрядами меняется на противоположную. Земные обряды, по сути, отражают образец небесного культа.

Святынище, в котором служили левитские священники, является всего лишь копией, сделанной руками человека, в то время как Иисус своим вознесением вошел в реальное, истинное место обитания Бога, и, следовательно, реальное или более эффективное место для посредничества. Именно там он удаляет память о грехе из присутствия Бога, память, которая запятнала и ограничила человеческий доступ к божественному. Тот же самый акт со стороны Иисуса осуществил инаугурацию нового завета, о котором говорил Иеремия.

Связь между искуплением и заветом здесь облегчается тем фактом, что новый завет Иеремии конкретно о том, что Бог больше не помнит грехов. Таким образом, смерть Иисуса воспринимается нашим автором как свидетельство для обеих сторон, для Бога и для человечества, что этот новый завет в силе. Свидетельство, надлежащим образом выполненное как в Исходе 24, так и здесь посредником завета.

Таким образом, снова, не только смерть Иисуса для нас, но и Его вознесение для нас. Третья антитеза следует в Евреям 9, стихи 25 и 26, возвращаясь к контрасту между единовременной жертвой Иисуса и ежегодными повторяющимися жертвами левитского первосвященника. Иисус вошел в само небо, цитата, не для того, чтобы приносить себя в жертву много раз, как первосвященник входит в святилище ежегодно с кровью другого; с тех пор Ему надлежало бы страдать много раз от создания мира.

Но теперь он явился в конце веков, чтобы раз и навсегда покончить с грехом через свою жертву. Проповедник уже утверждал в главе девятой, стихах седьмом-четырнадцатом, что жертва Иисуса, принесенная раз и навсегда, совершила то, чего не смогли ежегодные обряды дня искупления. Теперь он возвращается к этому моменту контраста, чтобы развить его более подробно здесь и в следующих абзацах главы 10, стихах первом-десятом.

Различие здесь между земными первосвященниками, входящими с чужой кровью, кровью жертвенных животных и жертвой Иисуса самого себя

показывает не только более высокое качество жертвы Иисуса, но и большую степень вклада Иисуса в эту задачу посредничества. Он буквально излил себя, чтобы восстановить доступ своих клиентов к Божьей милости. Это должно снова послужить для того, чтобы вызвать благодарность и поддерживать благодарность со стороны конгрегации автора.

Это также должно служить сдерживающим фактором против нелояльности, против неспособности сделать справедливый возврат столь вложенному и самоотверженному посреднику. В этот момент эсхатологическое измерение входит в культовый аргумент, как это будет снова в главе 10, стихе 13. Священническое деяние Иисуса происходит не только в истории, но и в конце истории.

Он явился в конце веков. Это усиливает впечатление, которое проповедник стремится произвести на своих слушателей от начала и до конца этой проповеди. Они стоят на пороге своего наследия, своего вхождения в свой покой, незыблемое царство.

Время вознаградить тех, кто верен правлению Христа, и подчинить тех, кто враждебен ему, уже у дверей. Христианам нужно лишь очень недолго придерживаться своих обязательств, как автор ясно скажет в главе 10, стихах 36-39. Автор уделяет немного времени развитию этого эсхатологического измерения, прежде чем вернуться к своему культово-ориентированному изложению.

Как человеку суждено умереть однажды, а потом суд, так и Христос, принеся Себя в жертву однажды, чтобы понести грехи многих, явится во второй раз без связи с грехом для спасения тех, кто с нетерпением ожидает Его. Максима о смерти, за которой следует суд, усиливает стратегическое предупреждение автора о том, что выход из группы не означает избегания опасности. Они будут привлечены к ответственности, несмотря ни на что, Богом, сына которого они отвергли.

Успешное преодоление кризиса посмертного суда должно занять все внимание слушателя, а не позволять его взгляду ускользать из-за беспокойства об относительно незначительных кризисах, вызванных враждебностью их соседей. Те, кто принял дорогостоящий акт благодеяния Иисуса и ответил с верностью и благодарностью, будут наслаждаться даром избавления, *soteria*, спасения во время пришествия Христа, во второй раз. Использование термина спасение здесь важно.

Опять же, мы видим, что этот автор думает о спасении как о будущем благе, в отличие от использования этого термина в Послании к Ефесянам 2, стихи 6-8, например, для описания события, произошедшего в прошлом верующего.

Пасторская потребность, к которой обращается автор, а именно стимулирование устремленного в будущее отношения, которое сохранится до конца, хорошо удовлетворяется, привлекая внимание слушателя к этому будущему измерению Божьего избавления или спасения тех, кто во Христе Иисусе. Авторы писаний Нового Завета говорят о широте опыта, который вместе составляет более полный процесс спасения.

Примирение с Богом через принятие Христа, присоединение к народу Божьему через крещение, хождение в обновленной жизни и избавление от катаклизма, который положит конец этому настоящему злему веку. Сворачивание этого более широкого понимания спасительного дела Божьего в какую-либо одну грань ослабляет влияние, которое библейская концепция спасения должна оказывать на жизнь христиан, концепцию, которая не только отсылает нас назад к тому, что Бог уже сделал в нашей жизни, но и указывает вперед, заставляя нас жаждать того, что Бог еще сделает для верующих, которые продолжают жить в соответствии со своим ответом благодарности и благоговейного послушания.